

Капитал, продукция и производительность труда ¹

(К вопросу о народнохозяйственной эффективности капиталовложений)

Проблема эффективности капитальных вложений привлекает к себе все больше внимания. За последний год-полтора на эту тему появился ряд интересных статей ², содержащих, однако, на ряду с ценными мыслями, положения, на наш взгляд, спорные, недостаточно обоснованные и немарксистские.

Наши критические замечания имеют своей целью в порядке постановки вопроса привлечь внимание марксистской экономической мысли к более глубокой проработке цикла проблем, связанных с вопросами эффективности основного капитала, отнюдь не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее их разрешение.

I. Капитал и продукция

Рост органического состава капитала сопровождается закономерным падением стоимости продукции на единицу капитала и передвижкой в составе стоимостиобразующих частей c и v . С одной стороны, капитал, в особенности его основные элементы, растет быстрее, нежели стоимость производимой им продукции; с другой стороны, по мере роста органического состава капитала увеличивается доля прошлого труда (c) как в стоимости единичного продукта, так и в стоимости всей товарной массы и соответственно уменьшается доля живого труда — v . Эти положения вряд ли могут быть оспорены.

Однако уже в истолковании и обосновании этих явлений мы встречаем ряд положений, на наш взгляд спорных и весьма сомнительных.

Падение доли живого труда в стоимости продукта и соответственное увеличение доли прошлого труда еще не разрешают вопроса о том, как изменяются абсолютные величины этих двух составных частей стоимости продукта. Вопрос стоит так: какова динамика основных элементов товарной стоимости; уменьшается ли

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² Калмановский, „Плановое хозяйство“, 1928 г., № 10; Акуленко, „Плановое хозяйство“, 1929 г., № 2; „Хозяйство Украины“, 1929 г., № 3; Айзенберг, „Вопросы труда“, 1929 г., № 1.

с прогрессом техники также количество мертвого «прошлого» труда, содержащегося в единице «продукта» или это уменьшение касается лишь живого труда.

При исследовании этого вопроса естественно обратиться к указаниям Маркса, достаточно четким и недвусмысленным. Изучая «закон тенденции нормы прибыли к понижению», Маркс писал:

«Так как развитие производительной силы и соответствующий этому более высокий состав капитала приводит в действие постоянно увеличивающееся количество средств производства при помощи постоянно уменьшающегося количества труда, то каждая пропорциональная часть всего продукта, каждая единица товара, или каждое определенное отдельное количество товара, служащее единицей меры для всей массы произведенных товаров, поглощает менее живого труда, и, кроме того, менее овеществленного труда, как в возмещение сношенной части примененного основного капитала, так и потребленных сырых и вспомогательных материалов» («Капитал», т. III, ч. I, гл. 13, стр. 205—206). Далее там же, на стр. 206, Маркс, со свойственной ему манерой повторять с различными оттенками какую-либо важную мысль, пишет: «следовательно каждая единица товара содержит меньшую сумму труда как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства»... «Все обстоятельства, влияющие таким образом, что применение машины удешевляет цену производимых ими товаров (а это — добавим от себя — типичный случай — Ф. В.), неизменно сводятся к уменьшению количества труда, поглощаемого единицей товара, а, во-вторых, они сводятся к уменьшению снашиваемой части машины, стоимость которой входит в единицу товара» (там же, стр. 247)... Более четко и ясно нельзя как-будто выразиться. Между тем тут же рядом Маркс говорит об увеличении доли прошлого труда в стоимости единицы продукта, как непосредственном результате повышения производительности труда, подчеркивая, что такая перемена в отношении различных составных частей цены отдельного товара, уменьшение той части цены, которая представляет вновь присоединенный живой труд, и увеличение той части (разрядка везде наша — Ф. В.) цены, которая представляет ранее овеществленный труд, есть форма, при помощи которой уменьшение переменного капитала сравнительно с постоянным находит свое выражение в цене отдельного товара («Капитал», т. III, стр. 206).

И так как у читателя может создаться неясность, Маркс в дальнейшем специально останавливается на различии двух фактов: 1) увеличения доли прошлого труда в результате повышения органического состава капитала и относительного увеличения постоянного капитала по сравнению с переменным и 2) абсолютного умень-

шения размеров всех составных частей стоимости продукта, и в том числе части, возмещающей стоимость основных элементов с. Уменьшение относительных издержек на отдельный товар, — поясняет Маркс, — а также той части этих издержек, которая заключается в снашивании машин, не следует отождествлять с возрастанием стоимости постоянного капитала по отношению к переменному»... (гл. «Противодействующие причины», стр. 219).

Если прав был Маркс, если повышение органического состава капитала и рост производительности труда сопровождаются абсолютным уменьшением размеров той части стоимости продукта, которая возмещает снашивание постоянного, в частности, основного капитала, то это может быть увязано с закономерным падением стоимости выработки на единицу основного капитала только таким образом, что одновременно с падением стоимости продукции на единицу основного капитала растет ее физический объем, т. е., другими словами, рост физического объема продукции идет более интенсивным темпом, нежели рост стоимости основного капитала. Этот вывод логически неизбежен, если мы принимаем тезис Маркса о падении количества овеществленного труда на единицу продукта. Этот вывод, в свою очередь, базируется на факте относительного удешевления основного капитала, которое означает, что стоимость элементов нового основного капитала возрастает в меньшей степени, нежели их производственная мощность¹. Маркс подчеркивает это бесчисленное число раз; любой справочник цен содержит тысячи иллюстраций закона относительного удешевления основного капитала. Ниже, в виду того, что это совершенно бесспорное положение в статьях тт. Акуленко и Айзенберга поставлено под вопрос, — мы остановимся на нем подробнее.

Проверка приведенных теоретических соображений на эмпирическом материале под силу лишь научному коллективу. Свою задачу мы ограничили постановкой вопроса.

¹ Независимо от этого отметим, что в ряде случаев переход на высшую ступень техники связан с большей прочностью и большей длительностью использования элементов нового основного капитала. В этих случаях, само собой разумеется, происходит падение стоимости основного капитала на единицу продукции при расчете на весь срок функционирования основного капитала. Для иллюстрации приводим соответствующие соображения по капитальному строительству Донугли. «Несмотря на значительные вложения основного капитала на сооружение крупных шахт, использование его будет наиболее рентабельным из-за большего срока использования таких шахт, почему амортизация на добытый продукт не будет выше, чем на средних шахтах, и все применяемые технические усовершенствования и механизация создадут условия для получения наименьшей себестоимости продукции». А. М. Терпигорев, «План развития каменноугольной промышленности Донбасса», «Плановое хозяйство», 1927 г., № 10, стр. 247.

Все же трудно пройти мимо той «методологии», которой гг. Айзенберг, Акуленко и Калмановский пытались доказать падение объема выработки на единицу капитала.

В основном они аргументируют данными американской статистики о динамике основного капитала, продукции и количестве рабочих в обрабатывающей промышленности САСШ.

Минимум научной добросовестности требует, прежде чем делать какие-либо выводы из данного статистического материала, разрешить по крайней мере следующие вопросы: 1) в отношении основного капитала — методологию его оценки, непрерывное обеспечение капитала, влияние акционирования и его неизбежного спутника — разводнения капитала, рост земельной ренты, изменение в нагрузке и использовании капитала, сокращение рабочего времени, изменение коэффициента сменности и т. д.; 2) в отношении продукции — изменения в ассортименте, переход к продукции более высокого качества; затем целый ряд вопросов, связанных с различным движением цен на различные группы товаров и т. д. Ничего этого наши авторы не делают. В их построении царит безграничный методологический анархизм и с той же степенью «ловкости рук» можно, оперируя теми же данными, прийти к прямо противоположным выводам.

Особенно поучительна в этом отношении «методология» т. Калмановского. Данные за 1899—1914 гг. показывают общий рост капитала пром. САСШ в 3,5 раза при росте стоимости продукции в 2,6 раза. Рост оборотного капитала т. Калмановский берет равным росту стоимости продукции, т. е. 2,6, общий же рост капитала составляет 3,5. Следовательно, — умозаключает т. Калмановский, — рост основного капитала был еще выше. В действительности дело обстоит как раз наоборот. За период 1896—1913 гг. средне-годовые приросты индексов цен в Соед. Штатах по сырым материалам составляют 3,02%, а по средствам производства промышленного значения — лишь 0,97%¹ и следовательно ценностный объем основного капитала вырос значительно меньше, нежели в 3,5 раза. И действительно в то время как за период 1904—1919 гг. общая стоимость капитала выросла в 3,5 раза, стоимость сырых материалов выросла больше чем в 4½ раза и, следовательно ценностный объем основного капитала вырос значительно меньше, нежели в 3,5 раза, а при росте стоимости продукции в 4½ раза.

Наши авторы не задумались даже над тем, чтобы элиминировать из данных об американской промышленности влияние кризисов и депрессий, резко снижающих использование основного капитала.

О величинах какого порядка здесь идет речь, — показывают следующие иллюстрации. В Соединенных Штатах к 31 декабря 1902 г.

¹ См. «Проблемы экономики», 1929 г., № 2, ст. Эвентова «О природе длительных колебаний», стр. 49.

было в эксплуатации 307 доменных печей, а к тому же числу 1903 г., после обнаружения кризиса, их насчитывалось лишь 182.

Число доменных печей в эксплуатации к концу 1906 г. было 340, а к концу 1907 г. (после кризиса) лишь 167¹ — «Неполное использование постоянных материальных средств, — пишет Кассель, — которое мы установили для периодов депрессии, является наиболее характерной тенденцией депрессии. Депрессия может быть определена как относительная бездеятельность постоянных средств производства»².

Опирая (и притом не критически) материалом, охватывающим каких-нибудь 15 лет, авторы чрезвычайно сомнительные выводы распространяют на всю историю американской промышленности (и, к сожалению, не только на нее).

Между тем изучение более длительного периода (с 1869 г.) приводит исследователей динамики американского хозяйства к следующему выводу: что очень интересно отметить, так это то, что возрастание стоимости выработки, почти не отстает от темпа развития основного капитала»³.

И, наконец, последнее замечание методологического характера. Может ли экономист-марксист отвлечься от органических и структурных изменений капиталистического хозяйства, от специфических закономерностей капитализма в периоды промышленного и финансового капитала, капитализма свободной конкуренции и капитализма «связанного», монополистически организованного? А ведь эти закономерности имеют решающее значение для темпов роста продукции, производительности труда и т. д. Разве это случайность, что в тех же САСШ, в период классического капитализма, в годы 1869—1899, рост валовой продукции выразился по десятилетиям в 166, 104 и 55%, а за период 1899—1914 гг., в эпоху монополистического загнивающего капитализма, рост валовой продукции по десятилетиям составлял лишь 18, 24 и 10%?

Если в эпоху классического капитализма недоиспользование основного капитала характеризовало лишь одну из фаз конъюнктуры, то в эпоху монополистического капитализма, с одной стороны, четко выявилась тенденция к удлинению фаз депрессии, а с другой — недоиспользование основного капитала стало органической, структурной болезнью капитализма, лишь обостряющейся в момент депрессии. Приведем одну иллюстрацию. В конце 1924 г., в момент сравнительно нормальной конъюнктуры, из общего количества доменных печей было в работе⁴:

¹ „Пл. Хоз.“, 1927 г., № 3, ст. С. Уманского.

² Густав Кассель. Теория конъюнктуры, Москва, 1925, стр. 63.

³ Там же, стр. 63.

⁴ „Wirtschaft und Statistik“, 1924.

	Всего домен. печей	Из них в работе
Англия	484	181
Франция	219	135
Бельгия	56	47
Люксембург	48	34
Швеция	132	51
Соединенные Штаты	417	182
Всего по 6 странам	1.356	620

Недаром «трагедия расточительства» стала основной проблемой капиталистического хозяйства.

Итак теоретически падение физического объема продукции на единицу основного капитала не доказано, и не может быть доказано. Практически, на фактах американского хозяйства, несмотря на допущенный авторами методологический нигилизм, это падение также не доказано. Но допустим, что продукция на единицу капитала в американской промышленности за последние 15—20 лет падала. Мы полагаем, что это вполне возможно. Следует ли отсюда, что и развитие советской промышленности будет сопровождаться такими же явлениями? Это могло бы быть верным только в том случае, если бы падение выработки на единицу капитала представляло общезначимый теоретический закон, выражающий логическую связь продукции и средств производства. Но это-то, повторяем, недоказано и недоказуемо. Мы не говорим уже о необходимости учета специфических особенностей советского хозяйства с присутствием ему одному закономерностями. Отвлечение от этих особенностей и закономерностей само по себе достаточно, чтобы скомпрометировать в остальном вполне правильные выводы. Мы таким образом вынуждены констатировать двойной органический дефект упражнений гг. Акуленко и Айзенберга: 1) возведение «случайного» статистического ряда на степень теоретического общезначимого закона; 2) некритическое перенесение этих «своею собственной рукой» добытых «законов» в условиях советского хозяйства.

II. Капитал и производительность труда

Совершенно не преувеличивая, иначе как «новыми откровениями в экономике» нельзя назвать утверждения гг. Айзенберга и Акуленко о взаимоотношениях капитала и производительности труда в их динамике.

Вновь открытый нашими экономистами закон гласит: «Производительность труда растет медленнее темпа роста капитала» («Хозяйство Украины», 1929 г., № 3, стр. 57).

Тов. Айзенберг, как деловой человек, не задерживаясь на «пустых разглагольствованиах», берет быка за рога и придает этому закону «железную», металлическую формулировку: для того, чтобы снизить расход рабочей силы на единицу продукции на 1%, прирост

основного капитала на ту же единицу продукции должен составить 2,09%. Почему 2,09%? Так выходит по данным американской статистики за период с 1899 по 1922 гг. Тов. Акуленко, правда, до этого еще не дошел, хотя пользовался теми же данными американской статистики.

Поразительно во всей этой теоретической стряпне, что выводы, правильно или неправильно полученные на основании опыта одной капиталистической страны за каких-нибудь 15—20 лет, возводятся на степень общезначимого закона и непосредственно прилагаются к злободневным вопросам экономической политики СССР, без какого-либо учета специфической социальной структуры советского хозяйства.

Тов. Айзенберг, основываясь на своем пресловутом коэффициенте, критикует пятилетку ВСНХ, соглашаясь на рост производительности труда максимум в 71% (вместо запроектированных 108); при этом численность рабочей силы должна вырасти не на 36%, а на 60%¹; другими словами: тов. Айзенберг предлагает похерить весь пятилетний план народного хозяйства СССР. Выводы же тов. Акуленко (о которых ниже) объективно приводят к пересмотру генеральной линии партии, взятой на то, чтобы «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны, и по существу представляют собой идеологию технического застоя.

Тов. Айзенберг попытался под свои коэффициенты подвести базис и, конечно, базис из наиболее прочного материала — цитат Маркса.

«Интенсивное расширение капитала², — пишет тов. Айзенберг, — означает рост капитала на единицу продукции с целью сокращения расхода рабочей силы на ту же единицу продукции. Экономический смысл замены рабочего машиной заключается в том, что при росте стоимости той части основного капитала, которая входит в стоимость продукции, оказывается ниже, чем стоимость вытесненной рабочей силы»...

Мы показали выше, что Маркс не уставал подчеркивать уменьшение «суммы труда как овеществленного в средствах производства, так и вновь присоединенного во время производства» на единицу продукта. Ни одной цитаты из Маркса в доказательство своего положения о «приросте стоимости той части основного капитала, которая вырастет в стоимость продукции», т. Айзенберг не приводит, потому что таковых не существует в природе. Те же цитаты, которые т. Айзенберг приводит, не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Все, что мог привести т. Айзенберг из «Капитала» в защиту своих мыслей, сводится к следующей цитате:

«Производительность машины измеряется той степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу»; приведя эту цитату,

¹ «Вопросы труда», 1929 г., № 1, стр. 48.

² Применение более действительных (более мощных и усовершенствованных) средств производства.

т. Айзенберг непосредственно вслед за этим пишет: «Таким образом интенсивное расширение капитала означает рост капитала на единицу продукции»... Из приведенной цитаты это, конечно, никоим образом не вытекает. По точному смыслу марксовых формулировок рост производительности труда, повышение органического состава капитала приводят к уменьшению и прошлого, и живого труда, падающего на единицу продукции.

«Рост капитала на единицу продукции, — пишет далее т. Айзенберг, — не есть лишь рост физического объема капитала при неизменной его стоимости. Удешевление машин протекает далеко не в такой степени, как возрастает физический объем основного капитала»¹. Это утверждение логически неизбежно вытекает из признания роста капитала на единицу продукции. Противоположный вывод — более быстрый темп удешевления машины по сравнению с ростом их мощности и физического объема, относительное удешевление машин — с такой же логической неизбежностью вытекает из формулированного Марксом закона падения стоимости основного капитала на единицу продукции. Сейчас мы на этом остановимся подробнее. Но предварительно отметим, что это же отрицание относительного удешевления машин лежит и в основе всего построения т. Акуленко о более медленном темпе роста производительности труда по сравнению с ростом капитала. Это настолько интересно, что мы позволим себе привести довольно длинную цитату из ст. тов. Акуленко²:

«При условии полного соблюдения межотраслевых пропорций в капитальном строительстве, — пишет тов. Акуленко, — общество сможет получить в каждый данный момент общественно-необходимую массу продукции далеко не при самом техническом совершенном способе производства... Возьмем 2 типа типографских машин: «Линотип» — стоимостью в 12.000 марок и производительностью в 50.000 букв в 8 часов и «Моноляйн» — стоимостью в 7.000 марок и производительностью в 40.000 букв. Предположим, что общество может выделить на капиталовложения в типографскую промышленность 3.360 тыс. марок, нуждаясь в ежедневной продукции в 38 млн. знаков. Если на эти деньги будет куплено 480 машин «Моноляйн», то они дадут при двойной смене 38,4 млн. букв. набора; если же будет куплено 280 машин «Линотип» вследствие большей рентабельности таковых, то продукция таковых в сутки составит только 28 млн. знаков».

Как видит читатель, все рассуждения держатся на той предпосылке (и рушатся вместе с ней), что стоимость машины вырастает более быстрым темпом, нежели ее производительность: производительность «Линотипа» вырастает на 25%, а стоимость его по сравне-

¹ „Вопросы труда“, 1929 г., № 1, стр. 44.

² См. „Хозяйство Украины“, 1929 г., № 3; „Плановое хозяйство“, 1929 г., № 2.

нию с «Моноляйном» на 71%. Но вот это-то и нужно доказать.

Маркс на сей счет был несколько иного мнения: «стоимость их (машин), — говорит Маркс, — возрастает далеко не в такой степени, как их потребительная стоимость»... «Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевле» («Капитал», т. III, стр. 242)... «Производство машины с помощью машин уменьшает ее стоимость пропорционально к ее размерам и мощности» («Капитал», т. I, гл. «Перенесение стоимости машины на продукт», стр. 225).

Тов. Айзенберг, подозревая о существовании таких формулировок, приводит следующую цитату из Маркса: «что подешевело — это отдельная машина и ее составные части: но развивается система машин... Несмотря на удешевление отдельного элемента, вся масса машин страшно повышается в цене, и возрастание производительности состоит в постоянном возрастании всей этой массы» (подчеркнуто нами — Ф. В.). Говорит ли эта цитата что-нибудь такое, что противоречило бы излагаемым нами взглядам Маркса? Дело ведь не в росте массы машин. Этого никто не отрицает, а в соотношении роста этой массы с ростом ее стоимости. А на сей счет Маркс вновь и вновь повторяет: «Если пять рабочих производят товар в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затрата на основной капитал не удесятерится; хотя стоимость этой части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в той степени» («Капитал» т. III, ч. I, стр. 242).

Количество этих и подобных зачастую буквально повторяющихся цитат можно было бы привести десятки.

Показывать это положение цифрами и фактами равносильно перепечатыванию справочников цен.

Лишь в порядке иллюстрации приведем данные (далеко не самые выразительные) по отдельным отраслям.

Станки системы Нортроп (текст. пром.).

Рабочая ширина	Стоимость	На единицу рабоч. ширины
28"	845	30
66"	1.070	16

Сельфакторы (современ. стоимость).

Число веретен	Стоимость	На 1 веретено
240	3.730	15,5
480	5.170	10,8

Фактическая себестоимость электромоторов в Германии в 1904 г. была такова: мотор мощностью в 0,5 л. с. стоил 91,5 марок, т. е. на силу 183,0 марок.

Мотор мощностью в 1,0 л. с. стоил 120 марок, т. е. на силу 120 марок				
" " " 2,0 " " "	173,0	"	"	86,5
" " " 3,0 " " "	208,5	"	"	69,4
" " " 5,0 " " "	252,5	"	"	50,2

Капитальная стоимость установки в тысячах марок

Турбо-динамо	300 киловатт	1.500 киловатт	2.000	3.300
" " " " " " " " " " "	161	337	411	799
Паровая установка	167	425	582	1.096

Такие соотношения между стоимостью и размерами и производственной мощностью элементов основного капитала наблюдаются решительно во всех отраслях и по отношению ко всем средствам производства, начиная от машин в табачной и маслосеяной промышленности и кончая домнами, подвездными путями и т. д.

Теперь пару слов о «Линотипе» и «Моноляйне». Тов. Акуленко ссылается на проф. Бернштейна-Когана, из книги которого — «Введение в экономию промышленности» он этот пример позаимствовал, упустив из виду, однако, что рост потребительской стоимости машины может заключаться не только в росте количества вырабатываемого ею продукта, но и в совершении каких-либо дополнительных операций, лучшей обработке материала, повышении качества продукции и т. д. Именно таков случай с «Моноляйном» и «Линотипом». «Моноляйн» отливает по одной букве, «Линотип» отливает целые строки; при наборе газет, где требуется прежде всего быстрота набора, этот момент имеет большое, зачастую решающее значение. Именно благодаря этому «Линотип» преимущественно и применяется в газетных типографиях. Его относительное вздорожание целиком покрывается специфическими усовершенствованиями...

На доказательствах «от Америки» останавливаться здесь не будем, ибо пришлось бы повторять буквально все то, что сказано о методологии использования данных американской статистики выше — в главе о продукции и капитале.

Приведем лишь одну небольшую, но весьма выразительную таблицу. Динамика физического объема продукции и количества рабочих в промышленности САСШ за 1859—1914 гг. ².

Динамика физического объема продукции и количества рабочих в промышленности САСШ за 1859—1914 гг. ¹.

Годы	Колич. рабочих в отн. данных	Индекс физическ. объема продукции
1859	100	100
1869	156	114
1879	133	301
1889	155	613
1899	125	976

¹ Данные взяты из «Ценника для определения стоимости производственного обследования текстильной промышленности» и из книги проф. В. Бернштейна-Когана, «Введение в экономию промышленности».

² С. Губерман, «О больших и малых циклах», журн. «Соц. хоз-во», кн. I, 1927 г.

Годы	Колич. рабочих в отн. данных	Индекс физическ. объема продукции
1899	100	100
1904	116	118
1909	121	145
1914	106	110

Конец 90 годов кладет резкую грань между двумя эпохами: эпохой цветущего капитализма, бурного роста производительности труда — и эпохой «позднего», увядающего, топчущегося на одном месте капитализма, где производительность труда почти стабилизировалась.

Между тем наши авторы строят свои выводы исключительно на материале капиталистической промышленности Америки за последние 15—25 лет. Коэффициент и темпы этого загнивающего капитализма гг. Акуленко и Айзенберг преподносят нам в качестве последнего слова экономической науки.

III. О вредных выводах из ошибочных теорий

Сомнительная честь теоретической формулировки «закона падающей производительности» принадлежит тов. Калмановскому. Ему нехватало однако последовательности сформулировать практические выводы, из этого «закона» вытекающие. Эту неблагодарную задачу взял на себя тов. Акуленко, попытавшийся, с одной стороны, подвести под указанный «закон» солидную теоретическую базу, а, с другой — внести ряд чрезвычайно существенных корректив в экономическую политику СССР. Для этого, однако, т. Акуленко пришлось предварительно поставить на голову ряд основных элементарных истин марксизма.

I. До сих пор мы вслед за Марксом считали, что средняя норма прибыли в капиталистической промышленности (или, как предпочитает выражаться тов. Акуленко «образование прибыли») создается путем перераспределения прибавочной стоимости из отраслей с низким органическим составом капитала в отрасли высшего среднего состава. Оказывается, что «Маркс делал эти выводы, исходя для простоты анализа, из одинаковой производительности труда рабочих в отраслях с различной структурой капитала, и факт растущей производительности труда по мере роста структуры капитала вносит решающие коррективы (разрядка наша—Ф. В.) в схематические расчеты Маркса»¹. Оказывается далее, «если предположить, что производительность труда рабочего определяется только структурой капитала, то приходим к выводу, что при одинаковой норме эксплуатации рабочего одинаковые капиталы различного состава смогли бы дать одну и ту же массу прибавочной стоимости», а с учетом роста нормы эксплуатации и в связи с ростом производительности труда равновеликий «капитал высшего состава может дать большую массу при-

¹ «Хозяйство Украины», 1929 г., № 3, стр. 55.

бавочной стоимости, чем такой же капитал пониженного состава». «Решающий корректив», который тов. Акуленко вносит в марксизм, гласит следующее: «отрасли и предприятия с выше средним составом капитала реализуют свою прибыль не столько в порядке перекачки прибавочной стоимости отраслей нижесреднего состава, сколько в порядке обычных рыночных законов ценообразования, поскольку более производительный труд против среднего общественного уровня оценивается как более интенсивный»¹.

В этой цепи рассуждений нагромождено столько ошибок и курьезов, что не знаешь с чего начать.

Утверждение, будто Маркс «исходил из одинаковой производительности труда рабочих в отраслях с различной структурой капитала» трудно принимать всерьез: ведь различный органический состав капитала есть не что иное, как выражение различной производительности труда в различных отраслях народного хозяйства. Это заключено в самом понятии различной структуры капитала.

Одинаковая производительность труда в отраслях с различной структурой капитала — это противоестественное словосочетание и приписывать его Марксу означает — с большой головы валить на здоровую.

Определенное количество живого труда независимо от его производительной силы создает одну и ту же стоимость, но эта стоимость в зависимости от уровня производительности труда выражается в различном количестве продуктов, а при совпадении рыночной стоимости продукта с индивидуальной его стоимостью — в различной цене единицы продукта. Утверждение, что «при одинаковой норме эксплуатации рабочего одинаковые капиталы различного состава смогли бы дать одну и ту же массу прибавочной стоимости», будучи логически продолжено, приводит к выводу, что стоимость и ее частный случай — прибавочная стоимость — создаются не только трудом, ибо различные количества живого труда могут создавать — по Акуленко — одинаковую массу стоимости.

Средняя норма прибыли представляет собой prima facie противоречие. «Вследствие того обстоятельства, что капиталы равной величины приводят в движение очень различные количества труда, в зависимости от различного процентного отношения переменной части ко всему капиталу данной величины, равновеликими капиталами присваиваются очень различные количества прибавочного труда, или производятся очень различные массы прибавочной стоимости» (Маркс). Как возможна при этом средняя норма прибыли?

Показав, что различные нормы прибыли, первоначально господствующие в различных отраслях, при помощи конкуренции уравни-

ваются, образуя общую норму прибыли, и одновременно с этим стоимость превращается в цену производства, — Маркс блестяще разрешил противоречие, над которым безуспешно бились его предшественники. Тов. же Акуленко «снимает» это противоречие тем, что отрицает его существование и скатывается на позиции домарксовской экономии, не различавшей прибавочной стоимости от прибыли. Немудрено, что за это приходится расплачиваться отказом от марксовской теории стоимости.

Что касается «решающего корректива» тов. Акуленко, то надо признать, что он звучит по меньшей мере забавно. Тов. Акуленко противопоставляет перекачку прибавочной стоимости «обычным рыночным законам ценообразования», не подозревая очевидно, что перекачка прибавочной стоимости реализуется именно благодаря и через «обычные рыночные законы ценообразования» и никак иначе не может быть реализована, если только не представлять себе прибавочную стоимость в виде какого-то материального вещества, которое можно перекачивать по каким-то путепроводам.

Повидимому «решающих коррективов» требуют не «схематические расчеты» Маркса, а теоретическая беззаботность тов. Акуленко. Казус, приключившийся с ним, тем более печален, что Акуленко руководился в сущности добрыми намерениями. Он встал на защиту Маркса против тех «его интерпретаторов», которые «из абстрактных схем Маркса делают вывод, что наибольшая масса прибавочной стоимости создается в отраслях ниже-среднего органического состава»¹.

Правда, существование таких интерпретаторов весьма сомнительно; скорее всего они существуют лишь в разгоряченном воображении автора. Дело в том, что норма и масса — эти два понятия — у т. Акуленко живут не в ладу. Верно, что в отраслях нижесреднего органического состава количество прибавочной стоимости на сотню капитала наибольшее. В этом утверждении повинны не только пресловутые «интерпретаторы», но и сам Маркс. Верно также и то, что в отраслях высше-среднего состава норма прибавочной стоимости в связи с большей производительностью труда сравнительно выше, и совсем другой вопрос, где создается «наибольшая масса прибавочной стоимости»; это, очевидно, зависит от массы и удельного веса капиталов, вложенных в отрасли различной структуры...

II. В том же своем рвении доказать преимущества высокоструктурных отраслей т. Акуленко дает такие формулировки относительно нормы накопления, которые идут в разрез с основными положениями марксизма.

«По мере роста технического состава капитала, — пишет т. Акуленко, — растет производительность общественного труда, растет норма накопления»². Истинно как раз обратное: «с понижением нор-

¹ „Хозяйство Украины“, 1929 г., № 3, стр. 55.

² „Плановое хозяйство“, 1929 г., № 2; ст. „Направление, темп, равновесие“. Такие же формулировки в „Хоз. Укр.“, 1929 г., № 3, стр. 54—57.

мы прибыли понижается и норма накопления» («Капитал», т. III, стр. 222); «накопление капитала, рассматриваемое со стороны стоимости, замедляется вследствие понижения нормы прибыли» и т. д. Закон падения нормы накопления в теории возникновения, развития и гибели капитализма играет решающую роль, ибо понижение нормы прибыли и накопления «ставит капиталистическому способу производства предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства, как таковым, и этот особый предел свидетельствует об ограниченности — и только об историческом, преходящем характере капиталистического способа производства»¹.

Трудно поверить, что т. Акуленко всерьез может что-нибудь возразить против этих аксиом марксизма. Поэтому его заявления о росте нормы накопления мы склонны были приписать «необыкновенной легкости в мыслях», а также нетерпимой терминологической распушенности т. Акуленко (чего стоит один термин «прибавочная продукция», который может обозначать и прибавочный продукт и добавочную продукцию!). Каково же было наше удивление, когда мы прочитали следующее место в статье т. Акуленко: «По мере роста $c:v$ растет производительность общественного труда, повышается выработка на единицу рабочей силы $p:v$ ... растет норма прибыли»².

Два положения лежат в основе всех дальнейших рассуждений т. Акуленко. Первое: падение продукции на единицу капитала по мере повышения технической структуры капитала. Второе: отставание производительности труда от роста капитала на единицу рабочей силы. Поэтому с точки зрения равновесия «общественного продукта в целом», с точки зрения данного отрезка времени «общество получает при повышенном техническом составе капитала меньшую массу продукции (разрядка наша — Ф. В.) против общественной потребности»³.

Однако с точки зрения темпа накопления и, следовательно, более длительного отрезка времени повышение органического состава капитала более выгодно для общества, ибо этим «повышается норма (!) и масса накопления общественного хозяйства». Мы выше видели, что в доказательстве этого последнего тезиса т. Акуленко несколько даже переусердствовал. Однако и тут мы переходим к квинт-эссенции теории т. Акуленко — повышение органического состава капитала, даже с точки зрения накопления, выгодно лишь до известного предела и при известных условиях... «Повышение органического состава капитала за известные пределы, строго индивидуализированные для каждой страны, может не только не увеличить возможную для данного капитала массу прибавочной (!) продукции (!), а и

¹ „Капитал“, т. III.

² „Плановое хозяйство“, 1929 г., № 2.

³ Там же, стр. 55.

понизить ее... Не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может дать такой же эффект в другой стране»¹.

Это — о пределе повышения орг. состава капитала. Что касается условий его, то они — по Акуленко — «могут быть более выгодными для общества, чем развитие в условиях равновесия, если этим повышается норма и масса накопления общественного хозяйства», «только тогда, когда в результате механизации... новое произведение $m \times v$ не только абсолютно, но и относительно (в процентах к капиталу) превысит всякое иное возможное при другом сочетании той же массы капитала с иной массой живого труда»² (другими словами, при более низком органическом составе капитала). Если эти пределы и условия не соблюдены, «если вложения будут иметь повышенный сравнительно с общественно-необходимым органический состав капитала», то даже при полном соблюдении... отраслевых пропорций «можно иметь явления всеобщего недопроизводства (товарный голод — Ф. В.), или же всеобщий рост цен против существующего уровня»³.

Таковы экономические откровения т. Акуленко.

Рассмотрим прежде всего критерий эффективности, заключающийся в том, что «новое произведение $m \times v$ должно и абсолютно и относительно превысить всякое иное получающееся при более низкой структуре капитала». Заметим, что т. Акуленко исходит из «данного объема капиталовложений»⁴.

Предположим, что «данный объем капиталовложений» составляет 1.000, а существующая структура капитала 600 c и 400 v норма прибавочной стоимости 100%; m составит в таком случае также 400; а произведение $m \times v = 160000$ (почему, собственно, нужно брать произведение $m \times v$, а не сумму их — известно одному т. Акуленко). Пусть далее общество для того, чтобы использовать более производительный имеющийся у него объем капиталовложений, перешло на более высокий технический уровень, что привело к структуре капитала в 900 c и 100 v . Тогда для того, чтобы новое произведение $m \times v$ не только превысило, но просто сохранилось на старом уровне, m — должно вырасти до $160.000 : 100 = 1.600$, т. е. норма эксплуатации $m:v$ должна повыситься с 400 $m : 400 v = 100\%$ до 1.600 $m : 100 v = 1.600\%$. Несколько более сообразные соотношения получаются, если будем брать не произведение $m + v$, а сумму их. Тогда в первом случае $m + v = 800$, во втором случае v составляет 100, и для получения со старым капиталом прежней суммы $m + v = m$ должно составить 700, что даст повышение нормы эксплуатации со 100 до $700 : 100 = 700\%$. Несомненно, что в условиях капиталистического хозяйства норма эксплуатации в связи с понижением стоимости рабочей силы растет

¹ „Хозяйство Украины“, 1929 г., № 3, стр. 56.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 54—55.

⁴ Там же, стр. 56.

(относительная прибавочная стоимость). Однако если бы капиталистическое хозяйство вынуждено было считаться с законом т. Акуленко, оно топталось бы на месте, ибо такой рост эксплуатации, при всем желании капиталистов, немислим. Мы не говорим уже о том, что осуществление условий т. Акуленко никоим образом не могло бы приводить к снижению нормы прибыли (недаром он его отрицает), а следовательно, к кризисам и, в конечном счете, к гибели капитализма. Но господа капиталисты, к своему счастью, не читают произведений т. Акуленко и обходятся «своими средствами»: повышая, насколько это возможно, норму эксплуатации, они компенсируют неизбежное падение нормы прибыли и накопления экстенсивным ростом эксплуатируемой рабочей силы в результате огромного роста массы прибавочной стоимости, накопления и капитала (... «с развитием процесса, который выражается в понижении нормы прибыли, масса производимой таким образом прибавочной стоимости достигает чудовищных размеров» — «Капитал», том III, ч. I, стр. 225).

Что касается советского хозяйства, то достаточно вспомнить о проектируемом на пятилетие соотношении роста производительности труда и заработной платы пролетариата (соответственно 110 и 70%), чтобы понять, до какой степени нелепы условия, предъявляемые т. Акуленко техническому прогрессу.

С другой стороны, требование т. Акуленко о том, чтобы новое произведение (или сумма) $m \times v$ не только абсолютно, но и относительно, в процентах к капиталу, превышало этот процент при более низкой структуре капитала — другими словами, требование повышения нормы прибыли и накопления, как условие повышения органической структуры капитала — это требование показывает, что т. Акуленко придает серьезное значение своему тезису о росте нормы прибыли и накопления по мере повышения органического состава капитала. Следовательно критерий народнохозяйственной эффективности капиталовложений базируется на определенном и притом чрезвычайно элементарном извращении марксизма.

Мы таким образом приходим к выводу, что никакой технический прогресс, связанный с повышением структуры капитала, невозможен или, что то же, он возможен лишь при чудовищном, реально неосуществимом росте эксплуатации рабочей силы. Хороши, нечего сказать, критерии эффективности.

Где же корни ошибок т. Акуленко?

1) Он не понимает, что падение массы прибавочной стоимости на единицу капитала есть лишь другая сторона, другое выражение огромного роста массы прибавочной стоимости, создаваемой общественным капиталом в целом... «Если те самые причины, — говорит Маркс, — которые вызывают понижение нормы прибыли, содействуют накоплению, т. е. образованию дополнительного капитала, и если каж-

дый дополнительный капитал приводит в движение дополнительный труд и производит дополнительную прибавочную стоимость; если, с другой стороны, простое понижение нормы прибыли уже само по себе предполагает тот факт, что постоянный капитал, а, следовательно, весь прежний капитал возрастает, то весь этот процесс перестает быть таинственным» («Капитал», т. III, ч. I).

А причины, которые вызывают эту сложную динамику экономических величин, заключаются в росте производительности труда, основном результате повышения технического состава капитала. Но т. Акуленко этого роста производительности труда не видит; он выпал из его поля зрения¹ и этим обусловлена его вторая основная ошибка, благодаря которой его марксизм оказался поставленным на голову.

2) Эта вторая — основная — ошибка т. Акуленко заключается в том, что он не разграничивает двух противоположных понятий — объем, масса продукции, с одной стороны, и стоимость продукции — с другой. Это относится в равной мере как к валовой и чистой продукции, так и к прибавочному продукту. Мы ниже покажем, что эти 2 подхода принципиально противоположны. Между тем у т. Акуленко мы ни разу такого разграничения не встречаем. Судя однако по целому ряду признаков, он имеет в виду именно физический объем продукции. И в таком случае все его построения должны быть отброшены в сторону, как не соответствующие истинным отношениям.

Верно, что стоимость продукции (валовой) на единицу капитала (стоимости его) падает. Это выражает не что иное, как рост производительности труда, в силу которого большая сумма благ покупается ценой меньших затрат труда — не только живого, но и прошлого.

Верно также и то, что стоимость чистой продукции на единицу капитала падает. Это неизбежный результат относительного уменьшения переменного капитала по сравнению с постоянным как в единице продукта, так и во всей товарной массе, производимой данным капиталом.

Не подлежит также никакому сомнению, что стоимость прибавочного продукта на единицу капитала по мере повышения его ор-

¹ Этим между прочим объясняется не критическое противопоставление технического и народнохозяйственного критерия эффективности капиталовложений, и в особенности сведение технической эффективности к экономии на живом труде. Что применение машин сверх и одновременно с экономией живого труда приводит к огромному росту производительности труда и количества потребительных стоимостей — этого т. Акуленко не видит, хотя сам же заявляет, что «в результате механизации каждая единица продукции... содержит менее овеществленного труда... в возмещение сносенной части примененного основного капитала». А возможно только в том случае, если, вследствие роста производительности труда количество продукта растет интенсивнее, нежели стоимость капитала.

ганического состава падает. По существу это перефразировка закона падения нормы прибыли.

Но все эти истины, неизбежно вытекающие из основных законов, сформулированных Марксом, превращаются в свою противоположность, когда их применяют по отношению к физическим объемам (как это делает т. Акуленко).

Выше вскользь отмечено, что различие физического объема и стоимости продукции носит принципиальный характер. Вопрос о ценностном и натуральном аспектах экономических явлений и категорий совершенно не разработан. Сравнительно недавно он был затронут проф. Железновым¹, точка зрения которого сводится к тому, что ценностный аспект приложим к явлениям экономической статистики, в противоположность динамике, изучение которой мыслимо лишь в аспекте натуралистических категорий и величин. Полагаем, что не здесь пролегает водораздел между двумя указанными аспектами. Его следует искать в особенностях социальной структуры различных хозяйственных организмов. Мы видели, что Маркс проводил четкое разграничение между стоимостными и объемными категориями, однако разработанной теории об этих двух формах экономических явлений не дал. И это не случайно. Маркс изучал капиталистическое общество, для которого определяющим стимулом и целью производства является стоимость и увеличение стоимости и которое принимает во внимание потребительную стоимость лишь постольку, поскольку она отражается на движении стоимости.

Для общества, ставящего своей целью удовлетворение потребностей, — а именно таково советское хозяйство, если отвлечься от частно-капиталистического сектора, — потребительная стоимость становится принципом хозяйствования, что не может не привести к иному аспекту изучения экономических явлений. Между тем движение потребительной и меновой стоимости не только самостоятельно, но в основном противоположно. Эту противоположность создает изменение производительности труда, ибо стоимость продукта обратно пропорциональна, а количество его прямо пропорционально росту производительности труда.

В аспекте потребительной стоимости, внутренне присущем советскому хозяйству, целый ряд экономических явлений и закономерностей выглядит совершенно иначе, приобретает иную значимость. Падение стоимости чистой продукции и прибавочного продукта на единицу капитала представляет угрозу для капиталистического хозяйства, но только для него одного, ибо только в нем «производится то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью». «Отсюда, — замечает Маркс, — страх английских экономистов

¹ „Вопросы конъюнктуры“, т. I, вып. I.

перед понижением нормы прибыли... Экономисты, считающие подобно Рикардо капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе границы»¹. Но эти же явления, взятые в аспекте потребительского хозяйства, в аспекте потребительской стоимости, входят в баланс общественного воспроизводства с положительным знаком. Ибо падение стоимости валовой и чистой продукции на единицу капитала представляет из себя только другую сторону роста производительной силы труда — абсолютного и относительного роста массы материальных благ и при том в тем большей мере, чем больше падает стоимость продукции (во всех ее формах) на единицу капитала... Связь между уровнем прибыли и масштабом накопления гораздо сложнее, чем то представляет себе т. Акуленко.

Нужно воздать должное последовательности и мужеству, с которыми формулирует свои практические выводы т. Акуленко.

А мужество нужно немалое, ибо т. Акуленко предлагает нам не больше, не меньше, как пересмотр плана капитального строительства под углом зрения «критериев чистой и прибавочной продукции». Чтобы не оставалось никаких сомнений, т. Акуленко подчеркивает, что «дело далеко не в одной технической совершенной реализации строительства», если сами проекты строительства не будут спроектированы с учетом сочиненных им закономерностей относительного падения производительности труда, валовой и чистой продукции по мере повышения органического состава капитала. Исходя из этих своих закономерностей, т. Акуленко пришел к выводу, что «для нас более приемлемыми являются технические нормы Германии, нежели Америки»².

Выводы т. Акуленко объективно приводят к пересмотру генеральной линии партии. Наша установка «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны базируется на органическом сочетании двух моментов: 1) планового, бескризисного хозяйствования, устраняющего все препятствия к росту производительных сил; 2) использования того одиозного преимущества, которое вытекает именно из нашей отсталости, из того, что мы поздно вступили на путь индустриального развития. Нас не давит груз устаревшего основного капитала. Мы можем поэтому без промежуточных стадий перенести к себе последние достижения техники. Это то преимущество, которое в свое время обусловило «выдвижение» Германии

¹ Там же, стр. 56.

² Противопоставление технических норм Германии нормам Америки имеет смысл лишь постольку, поскольку в действительности или в представлении т. Акуленко технический уровень германской промышленности ниже американского. Необходимо однако подчеркнуть, что это верно лишь до известной степени, ибо по ряду отраслей промышленности Германия является ведущей страной технического прогресса.

на арену мирового хозяйства и которое представляет естественную и неотъемлемую привилегию всех молодых стран.

Отказ от этого преимущества равносильен отказу от установки «догнать и перегнать».

Тов. Акуленко предлагает нам ориентироваться на технические нормы Германии как раз в тот момент, когда Европа, и в том числе сама Германия, от них отказывается, лихорадочным темпом перестраивая свою промышленность и технику на американский лад (массовое производство, стандартизация, фордизм). Анархия хозяйственных отношений, язва безработицы, раз'едающая ткань европейского (а в последнее время и американского) хозяйства, зажим внутреннего рынка и т. д., — ставят этой «американизации» жесткие лимиты и придают ей к тому же крайне уродливые и болезненные формы. «Американизация» хозяйства несовместима с капиталистическим строем. Это сказывается даже на Америке, где все сильнее звучат голоса о «переиндустриализации» американского хозяйства и где все явственнее обнаруживаются признаки «европеизации», что является синонимом загнивания.

Именно поэтому наряду с тенденцией к американизации, к массовому производству, к стандартизации, — в европейском капиталистическом хозяйстве растет и противоположная тенденция: к форсированию производств, рассчитанных на квалифицированного потребителя и на удовлетворение индивидуальных вкусов (точные приборы, высшие сорта текстиля и т. п.) — к превращению в своего рода ремесленную, мастерскую, работающую на заказчика (повидимому, эту тенденцию имеет в виду т. Акуленко, ориентируя нас на «технические нормы Германии»).

Но этот путь нам заказан и не только потому, что он несовместим с всемирно-историческими задачами СССР. Американский тип развития диктуется нам помимо всего прочего «сходством основных естественных условий обеих стран, максимальной концентрацией промышленного капитала и до известной степени исторически сходными условиями развития промышленности»¹.

¹ См. интересные очерки М. Е. Гуревича „Промышленность СССР и американская техника“, „Торгово-промышленная газета“, №№ 127 и 129 за 1929 год.